

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ ЕВДОКИМА РУСАКОВА

Иной раз думаешь: а не превыше ли наших дистиллированных, безукоризненно выверенных слов, составленных в геометрически правильной последовательности, закупоренных в стерильных емкостях, называемых нами «текстами», — вот эта живая природная сила воздействия, какой с лихвой наделяет Господь иные светлые дарования, ревниво и несправедливо смещаемые нами в самые низы казенных табелей о рангах? А если да, то не есть ли наше просвещенное искусство не что другое, как дьявольский искус, лукавство наедине с самим собой, поганство перед совестью и Богом?..

Такие — или примерно такие — мысли бурятся в голове, когда память выкликает имя новгородского поэта Евдокима Русакова. И ко всему прочему разъедает душу стыд. Оттого, что мастаки-рифмоделы, дудевшие в «дудочку» с неравной степенью старания — смотря по тому, «какое тысячелетье на дворе», какова конъюнктура рынка — до сих пор на слуху, главным образом усилиями масс-медиа. А он, Евдоким Русаков, сам бывший этой «дудочкой», поэзией во плоти, забыт однажды и, боюсь, навсегда. При том, что от многих, прославивших еще при жизни свыше всякой меры, давно разит разве что сероводородом и железом, как из ржавой водопроводной трубы. В то же время стихи Русакова — их отборная, сокровеннейшая, нерукотворнейшая часть — всегда прозрачны и целебны. Ибо и рождены-то, кажется, не столько приложением личных сил автора, сколько естественным течением из самой земли, как испокон веку сотворялась русская поэзия.

Этот небольшой очерк — не полновесная литературоведческая статья, какую бы надо предварить публикацию Евдокима Русакова, его, по сути, возвращение из небытия и нежити, но краткий пересказ судьбы поэта, основанный на свидетельствах современников и тех немногих сведениях, что удалось обнаружить. Остальное, как говорил другой поэт, вычитывайте в стихах — они скажут лучше и больше, чем кто бы то ни было.

Русский самобытный поэт Евдоким Евдокимович Русаков родился 26 июля 1924 (по другим данным — 1926-го) года в окрестностях деревни Сопки Новгородской области. «В поле под суслоном», — уточнял впоследствии. Девяти лет от роду стал пастушить, приняв под свой надзор многочисленное колхозное стадо. «С горем пополам» (по собственным словам) закончил четыре класса, а в начале войны был направлен на строительство оборонительных рубежей Волховского фронта. Но проевал без году неделю — тяжело контузило во время налета фашистской авиации. Потом был госпиталь, долгая отлежка на больничной койке. Домой прикандыбал в 1943-м — на костылях. Старший Русаков был на фронте, кому-то надо было браться за гуж на правах главы семейства, тем более что оно было по-крестьянски большим, не один рот, — и хромый Евдоким, не умея по состоянию здоровья справлять иную работу, стал сапожничать. Мало-мало поправившись, снова подался в пастухи, а вообще довелось потрудиться и шофером, и механизатором, и сторожем. В те-то надрасные годы и возникла, по-видимому, непреодолимая тяга к русскому Слову, в разное время увлекавшая в ряды стихотворцев таких прирожденных людей земли, как Алексей Кольцов, Иван Никитин, Николай Клюев, Сергей Есенин...

Не стал исключением и Евдоким Русаков, мало что отделяли его от именитых предшественников десятилетия, иные из которых — особенно недавние — до безобразия изнахратили уклад русской жизни, а само крестьянство свели на нет, обратив бывших землепашцев и сеятелей в обезличенное понятие «колхозник».

— Со мной всегда были карандаш и бумага, и записывал я свои стихи и сказочки, частушки — не для печати, для души, — делился Русаков.

Наставником способного самоучки стал местный учитель и поэт Юрий Шишелов, а впервые стихи Русакова земляки узрели на страницах районной газеты «Мошенской колхозник» в 1953 году.

Некоторое время спустя Русаков — уже семейный, детный — скочевал в деревню Коровкино Боровичского района. Однажды летом на дальних выгонах всю семью Русаковых заразил энцефалитный клещ. Придя в себя через несколько недель в больнице, Евдоким Евдокимович узнал, что жена скончалась и похоронена, старший сын — инвалид, а младших ищи-свищи по интернатам...

Не сразу, со временем удалось Русакову восстановить семью. Этому предшествовало событие, во многом утолившее печали рано овдовевшего поэта, — Господь послал ему хорошую работающую женщину, в одиночестве мыкавшую свою девью долю. «Брели, брели два горемыки, вот и сбрелись!» Она-то, добрая душа, и поставила первоочередное условие: «Давай собирать детей!» — и стала для осиротевших ребятешек матерью, а для их отца — надежной спутницей и помощницей.

В 1958 году Евдоким Русаков с тетрадкой под мышкой объявился на заседании литературного объединения при боровичской районной газете «Красная искра». Руководитель ЛИТО Л.Р. Фрумкин признавался: «Стихи удивляли обилием поэтических находок...». Нужна была серьезная школа. Но как об этом помешлять, если ты — обычный пастух (в деревне зубоскалят: «Коровий полковник! Первый зам младшего конюха...»), да еще и кормилец немаленькой семьи, стесненной железным обручем бесконечных проблем? Старшего сына лечили от последствий энцефалита пять лет. Новая супружница — имя ее, к сожалению, нигде не упоминается — зарабатывала копейки, сам Евдоким Евдокимович тоже не мог позволить длинным рублем за пазухой...

Тем не менее, сочинительства своего — столь, казалось бы, лишнего в его жизни — поэт не оставил. Наоборот, поступил в вечернюю школу, читал классиков и

современников, вникая в тайны ремесла, посещал литературное объединение. И судьба, неблагоприятная поначалу, в итоге наградила за терпение и настойчивость. В 1961 году подборка стихов Русакова коллективно с сочинениями других новгородцев увидела свет в сборнике «У Ильмень-озера». А дальше словно выбило затычину — и публикации пошли гуртом и чередой. Литературно-художественные журналы и альманахи, газета «Литературная Россия», популярная «Сельская молодежь», знаменитая «Звезда»...

В 1973 году в Ленинградском издательстве «Детская литература» издана первая книга поэта — «Мельница-метелица», проиллюстрированная молодой художницей из почтенной династии живописцев Васнецовых. Для оформителя это был первый опыт такого рода, о чем Елизавета Юрьевна вспоминала уже в наши дни: «Книжной графикой я начала заниматься не сразу после окончания института. Только в 1972 году я решила, наконец, попробовать работать над книгой, и мне повезло. В Ленинграде в «Детгизе» мне предложили проиллюстрировать интересные самобытные стихи о природе, о людях новгородского поэта-пастуха Евдокима Русакова. Эта тема мне так близка, я так люблю именно нашу северную природу — поэтическую, скромную, немного грустную, но всегда живописную...»

В известной мере благодаря незаурядному художественному вкусу оформителя «Мельница-метелица» удалось на славу, как вообще все в этой книге чудесно сошлось: и живые, безыскусные стихи, и вдохновенное прочтение их в краске. Да и тираж у книги был по нынешним временам заоблачный — 150 тысяч экземпляров. Красиво и богато устроенная, «Мельница-метелица» выдержала переиздание.

Но это случилось потом, в начале восьмидесятых.

А чуть ранее, в 1979-ом, «Лениздат» выпустил вторую книгу Русакова — «Живу я в маленькой деревне». На зкате брежневской эпохи, позже огульно поименованной «застоем», деревенский сочинитель с некорыстной грамотешкой вступил в Союз писателей РСФСР — общество по тем временам насколько почетное для его членов, профессиональных литераторов, настолько и неприступное для прочих, если иметь в виду строгость утвержденных правил вступления и взыскательность приемной комиссии.

Пожалуй, никогда еще в истории отечественной словесности столь широко не отворялись двери для простолюдина.

Не менее удивительным остается и тот факт, что Русакова не проспали. Такое родное, сразу западающее в душу имя то и дело мелькало в центральной прессе, на стихи поэта сочиняли музыку, исполняли песни. В деревню Коровкино шли и шли письма неравнодушных читателей — они, читатели, еще читали, еще обсуждали, еще делились с авторами своими впечатлениями, еще не молчали, набравши воды в рот. За сравнительно невеликий срок Евдоким Русаков сделался поистине народным поэтом — и народность его была подлинного, ныне утраченного свойства, обусловленная как природой самого Слова, так и мерой его звучания. А поэтическое слово Русакова звучало по телевидению и радио на всю огромную страну, известность поэта крепла. Не прошло и двух лет со дня выхода первой книги, как о талантливом новгородце — колхозном пастухе союзного масштаба — сняли документальный фильм, десятилетие спустя — второй.

«Слава застигла его, как июльский дождь посреди спелого хлебного поля», — справедливо отмечали современники. Достославные, сказочные времена!

Несомненный успех не вскружил голову, Евдоким Русаков и не думал забираться на печку. С годами нашли своего читателя еще три книги: «Заозерье» (1982), «Солнце взойшло» (1985) и «Июль — мой прародитель» (1987). Суммарный тираж книг Русакова перевалил за несколько сотен тысяч экземпляров. Все они разошлись по Советскому Союзу — и не насытили, стали библиографической

редкостью, так что не на всякой букинистической барахолке сыщешь теперь эти изрядно потрепанные раритеты.

Но не только любовь и признание почитателей русской поэзии — Евдоким Евдокимович снискал себе уважение и в профессиональной среде. Михаил Дудин — поэт, сродник по духу — в предисловии к «Мельнице-метелице» кровно прочувствовал младшего собрата: «...он поэт по самой сути склада своего характера, и его стихи естественны, как легкий шелест ветра по истомленному июньским зноем ольшанику. В них есть запах земляники и болиголова, хруст снега и песня жаворонка, умеющего держать на тоненькой ниточке песни большую планету Земля. Он знает, что жизнь нелегка, что труд, делающий человека Человеком, прекрасен, что в труде и есть радость человеческая. Об этом он и поет бесхитростно и сердечно».

...Увы и ах, пройдет совсем немного времени — и петь «бесхитростно и сердечно» станет занятием не только бескормным, но и бессмысленным, а часто и унизительным. Наступит перестроечное лихо, когда «самой читающей» стране уже не до литературы, как бы вовсе не сгинуть.

Но Евдоким Евдокимович продолжит писать — или, говоря по-крестьянски, «работать». Ночью, едва жизнь в деревне замирала, поседевший поэт все так же, как и в молодые годы, уединялся в закутке за печкой и, надев очки, доверял свое наболевшее неизменной ученической тетрадке, а после перепечатывал на пишущей машинке, правил, складывал в заветную папку. Как любой поэт, Русаков надеялся, что народ рано или поздно образумится, и стихи вновь зазвучат во всех городах и весях...

Однако сам ход жизни не способствовал этому, а вдобавок приносил новые горести.

В конце 1990-х, потрясенный убийством дочери, рядовой почтальонки с нищенской зарплатой, Евдоким Евдокимович — изнемогший, постаревший, потраченный годами, болезнями, страшной разрухой в стране, но, похоже, так и не разочаровавшийся в своей прекрасной, хотя и неблагоприятной, поэтической стезе, не отвратившийся от своего черного, но трудового хлеба, — слег и больше не поднялся.

В 2001 году поэта не стало.

Земляки как один вспоминали, что похороны пришлось на жаркий летний день: «Ветер гнал по небу стада белых облаков, приносил с лугов запах цветущих трав. От дома до околицы гроб несли на руках. Когда отворили ворота сельского погоста, по кладбищенской листве, точно оплакивая последнего крестьянского поэта России, скорбно зашелестел нежданно павший с неба слепой дождь...»

Минуло двадцать лет после ухода Евдокима Русакова.

Время, о котором он мечтал, ради которого корпел по ночам за печкой, как неотомимый деревенский сверчок, — время стихов, время любви и сердечной жалости ко всему живому, — так и не наступило. Россия, которой посвящал чистые строки, ушла в омут с головой, а вынырнула иной — той самой, в какой всякий национальный русский поэт, по слову Есенина, «словно иностранец». И стихи здесь «больше не нужны», и сам поэт «ни капельки не нужен».

Евдоким Русаков

Имя Евдокима Русакова, как имена не менее одаренных сынов России из самых ее родниковых глубин, стерлось из народной памяти, на поверку оказавшейся ничуть не длиннее девичьего волоса. Сегодня редкий знаток русской поэзии щегольнет в разговоре названием некогда прозвеневшей русаковской книги «Мельница-метелица». Забвение — а это оно, мельница-метелица нашего беспамятства — по-прежнему мелет исправно.

Отрадно, что на малой родине помнят и чтят своего поэта.

В Доме культуры деревни Передки, что близ Коровкино, создан музей Евдокима Евдокимовича. Напротив — сквер его имени, на самом здании — мемориальная доска. Изданы поздние стихи Русакова, воспоминания о нем. С 2009 года проводятся Русаковские чтения. Учреждена медаль «Поэт Евдоким Русаков» — ее присуждают «за пропаганду творчества» поэта, а также «литературные достижения, благотворительную деятельность». Несколько лет назад в сквере рядом с Домом культуры открыли памятник: в неизменной кепке, сдвинутой на затылок, за гриву золотых волос, волной зачесанных назад, чуть скосив глаза к переносью, с усталой грустной улыбкой на грубом крестьянском лице, изрезанном вдоль и поперек морщинами, никогда прежде не виденный, но до боли знакомый человек по-шукшински смотрит мимо тебя, в какую-то свою, еще неведомую нам даль. И летят сверху, на отвесной каменной стене, два журавля — он и она — золотые, и колосится снизу назревшая, истомлено поникшая пшеница — золотая, и проглядывают приветливые солнышки ромашек — золотых...

Но, конечно, главным, по-настоящему достойным почитания остаются стихи. Без них выросло вот уже не одно поколение русских людей — и это тот самый динамит, один из связки, заложенной безвременьем, который когда-нибудь обязательно рванет.

«Кто я? Быть может, колокольчик в негромкой музыке земли...» — просто, как выдохнул или вдохнул, много лет назад написал о себе поэт.

Давайте остановимся на мгновение, вслушаемся в эту негромкую музыку. И кто знает, может быть, колокольчик Евдокима Русакова, «дар Валдая», снова зазвучит на отеческой земле.

Андрей АНТИПИН

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Вот он в булочных —
Ситный,
Сдобный
Или — как еще? —
Заварной!
Только хлеб я ценю особый,
Деревенской квашни —
Ржаной.
Трудовой он,
Искони русский,
Вроде месяца-колобка,
С ароматом полей
Июльским,
С отпечатком руки-шлепка!

Битый ливнями,
Солнцем жженный...
Помню я:
Для семьи-орды
Каравай,
На поду печенный,
Дед мой резал,
Прижав к груди.
Ради хлеба я сам работал.
Хоть порой уставал,
Но креп.
Просоленный крестьянским потом,
В жизнь вошел
Деревенский хлеб.
И с любимым он поспорит горем.
Я от многих не раз слышал:
Всем нам
Черный хлеб златокорый
Богатырскую силу дал.

* * *

Где ольха да заросли крушины,
Меж холмами в узенький пролет,
Как ядреный грёбень петушиный,
Из-за леса солнышко встаёт.
А заря — румяная спросонок —
В речке моет рыжую косу.
И на песне-нитке жаворонок
Держит всю планету на весу.

ЖАВОРОНОК

Вдали от клеток и скворечен,
В рассветной зорьке золотой,
Он к небу, кажется, подвешен,
Как колокольчик под дугой.

Он, спутник знойного светила,
За песней падает в жнивье,
Взлетает и вливает силу
Он в сердце слабое мое.

Цвести земле, зреть песне в хлебе,
Где даль светла и хороша.
Подобно жаворонку в небе,
В полях поет моя душа.

НА РЕКЕ

Щекочет кожу струй прохлада,
И пахнет мятой луговой...
Из-за кустов выходит стадо,
Идет-бредет на водопой.

Купаюсь, слышу смех девчонок.
Со мной река кричит, поет,
Из волн, течением крученных,
Веревку стрежня в пене вьет.

Нырну — все сразу станет глуше:
Лишь стайка рыбок подо мной
Да перламутровый ракушник —
Свидетели судьбы иной...

* * *

Как бы ни было печально,
Хоть в лесу — не редкий гость,
Но сегодня мне случайно
Заблудиться довелось.
Духота и полдня ярость,
Солнце льет свое тепло.
Повалила с ног усталость,
Губы жаждою светло.
Вдруг я вижу: словно соты,
Полон влаги родничок!
На сучок повесил кто-то
Из бересты черпачок.
Соль и хлебушка кусочек
На прямом широком пне...
Словно в сказке узелочек
Для обеда подан мне.
Зачерпнул водицы вкусной,
Пил и думал: «Бог ты мой,
Жив еще обычай русский —
Поделиться добротой!»

* * *

Село давно легло на отдых,
Но где-то дети гомонят.
А небо в ярких, крупных звездах,
И слышно, как вздыхает сад.
Рыбак у речки засыпает,
Качаясь, видя чудо-сны,
Земля, как люлька лубяная,
Скрипит на якоре луны.

Иду один тропой за риги,
Сверкают звездочки в росе.
Полей подзолистые книги
Еще прочитаны не все.

В траве кузнечики стрекочут,
А в небе — строчкой журавли...
Кто я?
Быть может, колокольчик
В негромкой музыке земли.

ПОСЛЕ ЖАТВЫ

Сжат хлеб, и все поля раскрыты.
Я на жнивье усталый лег,
И, как отец щекой небритой,
Стерня моих коснулась щек.

ОСЕННИЕ КОСТРЫ

Озерцо покрыла просинь,
Треплет ветер мокрый сад.
По округе бродит осень,
Тихий, тихий листопад.
Лес вдали темнеет синькой,
Тянет стужей от воды.
Легкой газовой косынкой
В огороде вьется дым.
И порхают искры ярко
Бабочками во дворе,
И сгорают жарко-жарко
Листья палые в костре.
То, что молодостью было,
Золотым вчерашним днем,
Молчаливо, торопливо
Пожирается огнем.
Вспыхнет легкий лист березы...
Тлеет медленно лоза...
У меня от дыма слезы
Навернулись на глаза.

ЧУЖАЯ ТЕТЯ

Гроб на руках плыл за ворота,
Как на волнах куда-то вдаль...
Мать от меня бесповоротно
Ушла, оставила печаль.

Запомнил я и день далекий,
Отец сказал: «Сынок, взгляни, —
Пришла к нам в дом вот эта тетя,
А хочешь — мамою зови...»
Что мог я знать тогда по-детски?
Резвясь на улицу бежишь.
Пугали мачехой соседки:
«От ней в три глаза заревись!»
Она в бригаде с мужиками
В полях трудилась дотемна
И ночь с бессонными глазами
Стирала, шила на меня.
Не замечал ее усталость,
Считая тетушкой чужой,
И до поры свою к ней жалость
Я не прочувствовал душой.
...Однажды съел какой-то корень,
В постель я слег совсем больной
И тетю, сломленную горем,
В слезах увидел над собой.
И я взглянул в глаза ей прямо,
Поднявши голову чуть-чуть,
И в первый раз сказал ей: «Мама!
Не плачь, поправлюсь как-нибудь...»

* * *

В сердце дух могучий, русский,
Взгляд каленого угля...
Но знобит от давней грусти
И от скрипа костыля.

Даже в малой деревушке,
Где б к окошку не приник,
То видна вдова-старушка,
То калека-фронтовик.

И куда б ни кинул взора —
Вся Россия мне родня!
Нет такой избы, где горя
Не оставила война.

* * *

Я лицо усталое умою,
Полотенце — чистый водопад, —
Мне оно напомнило собою
Весело цветущий майский сад.

Никуда от памяти не деться,
Молодят нас давние мечты,
И цветут на белом полотенце
Полевые нежные цветы.

Вот возьму я вышитое в руки —
Мне легко на сердце и светло.
Сколько раз оно меня в разлуке
От тоски по дому берегло.

Сколько раз напомнило о милой,
Торопило радостно тайком,
Полотенце —
Птицей белокрылой,
Майским садом,
Синим васильком...

* * *

Гудят метели озорные,
По окна в снег ушли дома.
Надела платья кружевные
На все кустарники зима.
Какое белое раздолье,
Как в поле дышится легко!
Следы саней от сел в заполье
Бегут, как рельсы, далеко...

БЕЗДОРОЖЬЕ

Тот заезжалый-проезжалый,
Он за рулем не тратит сил,
А я всю жизнь, такой усталый,
По бездорожью колесил.
Босой, в лаптишках и опорках,
Подтянут туго ремешком,
Через колдобины, по взгоркам,
Беря подъемы, шел пешком.
Не падал духом перед зверем
И, не кляня судьбу свою,
И лешим был, и Берендеем
В своем березовом краю.
В глухие дни и в яркозорье
В душе смирял я песней грусть, —
И всем привольем, всем раздольем
В мои глаза глядела Русь...
Прости меня ты, поле с рожью,
Что по тебе тропу топчу.
Я до сих пор за бездорожьем
Дорогу твердую ищу.